

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА,
Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ

Глобализация и регионализм: уроки для России*

Исследования информационного, финансового, технологического, торгового, демографического, культурного полей глобализации, кажется, уже начинают повторяться. Для того чтобы выйти из этого привычного круга проблем и пойти дальше в понимании стремительно меняющихся глобальных процессов, представляется важным обратить внимание на связь системных преобразований в мировой экономике с системными изменениями внутри регионов и отдельных стран. И, исходя из этого, выяснить, как смотрится на этом фоне Россия.

Новый облик мировой экономической системы

За последние столетия мировая экономика сложилась в систему, соединяющую в той или иной форме экономические пространства суверенных государств. Для краткости изложения отметим лишь полосу изменений в системе международной торговли, открывшуюся в 1980-е гг. и отчетливо проявившуюся, в частности, в деятельности таких мощных региональных структур, как ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН, САДК (заметим, что доля только ЕС и НАФТА составляет половину мирового ВВП). Новый виток либерализации торговли в рамках ГАТТ/ВТО с участием отдельных региональных группировок привел к снижению тарифов и квот, а также к ослаблению некоторых нетарифных барьеров, препятствовавших свободному перетоку товаров, услуг, инвестиций и идей. В итоге в 1990-е гг. наметился сдвиг в сторону гораздо более открытой модели.

За этой моделью стояло недооцененное еще многими закрепление доминирующей роли финансового капитала. Финансовый капитал кладет начало становлению глубоко интегрированной глобальной экономики, где страны связаны не только либеральными правилами торговли, но и свободным переливом инвестиций и трудовых ресурсов. Он создает новую структуру рынка – как мирового, так и национальных. Главный сегмент рынка – финансово-денежный, а не реальный: формируются

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (проекты 01-02-00476а и 03-02-00114а).

Евстигнеева Людмила Петровна – доктор экономических наук, заведующая лабораторией Международного научно-исследовательского института проблем управления.

Евстигнеев Рубен Николаевич – доктор экономических наук, заведующий центром Института международных экономических и политических исследований РАН.

денежные, валютные рынки, рынки государственных ценных бумаг, массовые рынки корпоративных акций и облигаций, элитные рынки крупного капитала и стратегических инвестиций и т.п. Банковская и бюджетно-денежная системы становятся неотъемлемыми частями финансово-денежных рынков. В пространстве этих рынков деньги перестают быть товарными деньгами и превращаются в денежный капитал. Если главные функции товарных денег – средство обращения и средство платежа, то теперь приоритет переходит к инвестиционной функции. Если традиционным обеспечением товарных денег являются золотовалютные резервы национального банка, то денежный капитал защищен всей мощью финансово-денежных рынков.

Важно подчеркнуть, что такие фундаментальные характеристики этих рынков, как устойчивый рост капитализации, вхождение в разные сегменты рынка множества новых игроков и появление новых денежных и финансовых инструментов (например, опционов), более чувствительны к государственным воздействиям, чем конъюнктурные показатели товарных рынков. В этом есть свои минусы и плюсы. Минусы состоят в недозволенности неделикатного, жестко регулирующего и контролирующего поведения государства по отношению к финансовому капиталу, особенно крупному. Плюсы связаны с высокой реактивностью рынка на стимулирующие и стабилизирующие условия, создаваемые государством, исходя из научно разработанной концепции развития, освоения современных методов диалогического управления на принципах взаимодействия государства и бизнеса, их обоюдной адаптации и поиска консенсуса.

При всей чуткости к неэкономическим воздействиям финансово-денежные рынки обладают очень сильными защитными возможностями. Во-первых, *финансовый капитал создает системную целостность экономики*, базирующуюся на иерархии следующих рынков: рынка стратегических инвестиций, служащих, с одной стороны, пространством формирования крупных программных инвестиций, от которых непосредственно зависит динамика, структура и эффективность экономического роста, а с другой – плацдармом развития внутренней конвергенции (взаимного приспособления) государства и финансового капитала; рынка денежного капитала – совокупности оборотов кредита, валюты, ценных бумаг, доходов граждан и т.п.; региональных финансовых, денежных и товарных рынков (этот уровень рынка соединяет финансовый капитал и реальную сферу рынка, объединяет крупный, средний и малый бизнес, устанавливает оптимальные пропорции между ведущими комплексами реального капитала – топливно-энергетическим, сырьевым, инвестиционным, потребительским).

Во-вторых, *финансовый капитал имеет совсем другие механизмы экономического роста, нежели экономика с приматом реального сектора*. Эти механизмы способны обеспечивать принципиально более высокую динамику ВВП и доходов населения. Если в экономике с приматом реального сектора определяющими являются материальные, трудовые и финансовые факторы производства, то в финансовой экономике, основанной на системообразующей функции финансового капитала, производители ориентируются на ожидания относительно будущего спроса. Как следствие, ведущим субъектом фондового рынка становится массовый портфельный инвестор. Отталкиваясь от конъюнктуры фондового рынка, вся система рынков тоже становится склонной к экспансии, ей свойственна саморегулирующаяся инфляция, основанная на существовании пороговых точек рыночной экспансии. Таким образом, динамика зависит от чисто финансовых параметров – соотношения инвестиций и основного капитала, пропорции между собственным и заемным капиталом, коэффициента капитализации в отношении к норме монетизации, динамического равновесия между капиталом и доходом и т.д.

В отличие от торгового, финансовый капитал втягивает в орбиту глобализации весь комплекс экономических связей. На мировом пространстве, которое имеет склонность к расширению, создается мировой аналог структуры национальной экономики. При чем за образец принята экономика США как носитель не просто наиболее эффективного варианта, но еще и как схема наиболее высокого на сегодняшний день уровня рациональности.

Параметры нелиберального и синергетического типов глобализации

Неолиберальный тип глобализации (линейная глобализация)	Синергетический тип глобализации (нелинейная глобализация)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Приоритет политических рычагов глобализации 2. Однополярный мир под эгидой США 3. Американизация (вестернизация) как механизм рационализации экономики и повышения эффективности и динамизма 4. Контроль международных финансово-денежных организаций на принципах поддержки бюджетного профицита или ограниченного (2–3% ВВП) дефицита 5. Идеология монетаризма и открытости всех рынков 6. Особое внимание к развитию малого и среднего бизнеса 7. Приоритет микроэкономических источников экономической динамики и формирование агрегированного (совокупного) производительного капитала 8. Открытость экономики в форме ее долговой и инвестиционной зависимости от мирового финансового капитала 9. Конвертируемость национальной валюты в мировые валюты, параллельный долларовый оборот внутри национальной экономики 10. Отрыв включенного в глобальные процессы сектора национальной экономики от национальной экономики в целом 11. Отрыв национальной экономики от своего социального и общекультурного контекста 12. Распространение культуры постмодерна 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Приоритет экономических институтов глобализации 2. Многополярный мир на базе регионализации мировой экономики 3. Установление (на базе системообразующей функции финансового капитала) единой (фрактальное самоподобие) синергетической схемы экономики и ее воспроизводственной модели, основанной на закономерностях большого кондратьевского цикла и кейнсианской концепции 4. Сохраняется 5. Идеология информационной экономики и открытости экономики как сложной системы 6. Сохраняется 7. Приоритет макроэкономических источников экономической динамики. Формирование рыночного динамического потенциала, включающего: инвестиционный потенциал рынка стратегических инвестиций + инфляционный потенциал рынка денежного капитала + производительный региональный потенциал + социальный потенциал, основанный на участии внеэкономических факторов 8. Односторонняя зависимость сменяется взаимодействием и взаимной зависимостью национальной и мировой экономик 9. Полная конвертируемость национальной валюты в мировые (региональные) при универсальной роли национальной валюты на внутренних рынках 10. Отрыв отсутствует 11. Отрыв отсутствует 12. Переход от культуры постмодерна к культуре либерализма и межцивилизационной конвергенции

Если разложить по пунктам складывающуюся на базе финансового капитала мировую экономическую систему, то можно заметить, что происходит усиление тенденций, присущих неолиберальному устройству общественного производства и государства. Финансовый капитал завершает становление неолиберального типа глобализации и закладывает основу перехода к новому, более высокому по своему потенциалу синергетическому типу глобализации (см. табл.). А самостоятельное обеспечение устойчивости финансово-денежных рынков одновременно является и достижением самодостаточности национальной экономики, притом что ее рынки открыты, а центр и территории одинаково активно участвуют в глобализации.

Политически поворот от неолиберальной глобализации к синергетической определяет социально-экономическую фазу этого процесса. С точки зрения государственных

отношений, существенное значение здесь имели и имеют влияние США и степень восприимчивости этого влияния. В целом в 1990-е гг. наметился сдвиг от воцарившегося было после распада мировой социалистической системы однополярного мира к многополярному (или, как стали сейчас говорить, от унилатерализма к мультилатерализму). Для США и порожденных ими МВФ и МБРР фактически отпала необходимость противостоять всему свету в отстаивании универсального рыночного пространства, и великой державе стало грозить превращение на деле лишь в одного из игроков многостороннего мира, правда, игрока самого крупного и влиятельного. Авторы вышедшего недавно солидного труда о региональных интеграционных соглашениях отмечают "рост влияния делового лобби в политической сфере США, ослабление конкурентоспособности американской промышленности и ослабление интереса США к несению бремени издержек по руководству глобальной системой, не получая взамен те или иные рынки" [Schift, Winters, 2003, p. 10].

Неолиберальная глобализация, обязанная своими успехами прежде всего США, объективно породила тенденцию к свертыванию ведущей роли этой супердержавы в глобальных процессах. Сформировалась группа лидирующих стран. Конечно, супердержаве с этим смириться трудно. Так, согласно информации "Коммерсанта" (28 июня 2003 г.), в выступлении К. Райс в Международном институте стратегических исследований в Лондоне главным тезисом стало отрицание идеи многополярности, которая никогда не вела к объединению, а была "вынужденным злом", не позволявшим разразиться войне, но и не способствовавшим миру. По ее мнению, "многополярность – это теория соперничества, конкуренции интересов, а в своем худшем проявлении – конкуренции ценностей". США продолжают "примерять", по словам Э. Кириченко, "свою модель социально-экономического развития к остальному миру, ставя в перспективе задачу интернационализировать американские приоритеты" [Социально... 2002, с. 33]. Уже сама по себе такая постановка вопроса, несмотря на благие послы дальнейшей либерализации мирового рынка и заодно объединения народов Земли вокруг идей свободы и демократии, содержит в себе претензию на политическую гегемонию. Все это настораживает, не говоря уже о том, что сами Соединенные Штаты остаются приверженными политике двойных стандартов (отметим хотя бы протекционистские меры США в связи с импортом стали).

И все-таки картина мира меняется на глазах: рождаются информационное "сетевое" общество, информационная "сетевая" экономика. Центр тяжести все более смещается с вертикально интегрированных на горизонтальные региональные структуры. Если говорить о "новом регионализме"¹, то следует отметить и такой примечательный феномен, как создание региональных альянсов типа "Север-Юг". В них высокоразвитые и менее развитые страны впервые выступают в качестве равноправных партнеров (Канада–США–Мексика в НАФТА, таможенный союз ЕС–Турция, вхождение в ЕС стран Центральной и Восточной Европы и т.п.). Все эти процессы, сопровождаемые введением более либеральных торговых режимов, способствуют не только росту объемов торговли, ускорению обновления ассортимента продукции, но и увеличению инвестиционных потоков.

В новых условиях принципиально изменяется не только международное, но и внутрисоциальное экономическое пространство. Энергия преобразований, заданная стартовавшими под знаменем неолиберализма глобализацией и экономическими реформами, требует иных форм реализации. Мы считаем, что наиболее адекватным методологическим инструментом анализа современных процессов глобализации и процессов, происходящих внутри стран, может служить наука о саморазвитии сложных

¹ Как справедливо замечает известный польский экономист Г. Колодко, в настоящее время в мире все еще доминирует традиционное "национальное" мышление, "хотя было бы целесообразнее говорить о возросшей интегрированности мировой экономики в терминах различных регионов, а не отдельных стран и национальных экономик" ("Бизнес и банки", 2003. № 21–22, с. 9).

открытых систем на принципах взаимодействия множеств – синергетика. Она представляет собой общенаучное основание постнеклассической науки, которая одна сегодня в состоянии интерпретировать как перевод современной общественной динамики в качественно новый эволюционный процесс, так и сам этот процесс.

Наша убежденность подкрепляется еще и тем, что качественные изменения в глобальной экономике не сводятся к новой ступени либерализации и повороту от одностороннего к многостороннему миру. Они впервые вводят в научный оборот такую злословную проблему, как взаимодействие рыночной либерализации с системой цивилизационных (национальных) ценностей, прежде всего суверенитетом стран². Куда ведет это взаимодействие – к столкновению, как вслед за А. Тойнби и С. Хантингтоном повторяет Райс, или, в конечном счете, наоборот – к мирному сосуществованию и сближению цивилизаций, всеобщему усвоению демократических ценностей? Появление обозначенных выше двух кардинальных факторов (превращение глобализации в системные связи финансового капитала и новый регионализм) делает невозможным прямолинейное решение проблем глобализации и заставляет ввести в научный оборот понятие *нелинейного синергетического типа глобализации*. Пользуясь синергетической терминологией, можно сказать, что намечился фазовый переход от энтропии (саморазрушения, старения неолиберального типа глобализации) к диссипации (временно упорядоченному хаосу) в точках бифуркации (например, 11 сентября 2001 г., войны в Югославии и в Ираке). Без максимального учета – не подавления, не нивелирования! – национальной специфики глобализация просто начинает выдыхаться. На базе накопленного в предшествующий период трансформационного потенциала рождается новое динамическое равновесие мировой экономики. Политическое, порой даже силовыми методами, воздействие сменяется многосторонним экономическим взаимодействием, базирующимся на финансовом капитале.

Роль территорий в российской трансформации

В России к началу XXI в. сложилась уникальная ситуация, когда – с точки зрения и внутренних потребностей, и включения в процессы глобализации на передний план выдвигается *регион* в качестве полноценного субъекта Федерации и в то же время суверенно ограниченного субъекта глобализации. К сожалению, не всеми осознано, что десятилетия пробуксовка реформ – отнюдь не следствие либерального курса, который был и остается абсолютно оправданным: от доминирования рынка свободной конкуренции страна неуклонно движется к доминированию рынка финансового капитала. При всех просчетах экономической политики и непоследовательности институциональных преобразований можно выделить, с одной стороны, необходимо возникшие, а с другой – самые конкретные и болезненные препятствия на этом пути.

Но прежде отметим, что идеология Вашингтонского консенсуса, легшая в основу реформ, явилась, по сути, идеологией политического слома социализма, что было неизбежно, ибо стояла задача рыночной трансформации политизированной экономики политизированным обществом. Между тем реализация дилеммы "рынок–государство" привела к жесткому разграничению микро- и макроэкономики. И тогда появился выбор вариантов становления сначала структур и институтов "бюджетной экономики", близких моделям неолиберальной экономики и неолиберальному государству, а позже сложился отчасти спонтанный, а отчасти осознанный алгоритм установления синергетической финансовой экономики. Встал вопрос о замещении дилеммы "рынок–государство" дилеммой "капитализация–государство". На стыке этих двух дилемм и возникли четыре объективные барьера.

Первый. Строительство рыночной макроэкономики начинается с формирования ее исторической преамбулы – рынков земли, капитала и труда, благодаря которым естественным путем возникают формы ликвидности национального богатства. И

² Дискуссию на эту тему открыл Е. Ясин [Ясин, 2003].

уже на данной основе начинает складываться финансовый капитал как субъект стратегических инвестиций. Метаморфоза "богатство – стратегические инвестиции" служит основанием для отделения собственника от менеджера и установления приоритета собственника. Одновременно это – важное условие разделения стратегического и текущего аспектов рыночной экономики.

Россия богатая страна. Как же актуализировать функцию богатства при формировании институтов и структур экономической стратегии в наших условиях, чтобы такого рода актуализация стала эндогенным для рыночной трансформации процессом? Не вдаваясь в подробности, заметим, что такие задачи под силу только экономической синергетике. В линейном экономическом пространстве финансовый капитал неизбежно пытается сформировать стратегический рынок через усиление своего политического влияния, создавая проблему олигархов и препятствуя демократизации государства и общества.

Второй. Много говорят и пишут об экономико-технологической и социальной роли малого и среднего бизнеса (МСБ). Между тем наибольшего внимания заслуживает его финансовая роль: по мере повышения индустриального уровня экономики он становится буфером между индустриальным блоком отраслей и отраслями потребительского комплекса. Высокой динамике капитала и инвестиционного спроса противостоит более низкая динамика дохода и потребительского спроса. МСБ вводит в эту расстановку сил фигуру слабо расчлененной и внутренне подвижной системы "капитал–доход". Как следствие, удается сохранить общее рыночное равновесие.

Значение этого фактора становится понятным, если иметь в виду системную макроэкономическую природу финансового капитала. Вспомним, что огромный удельный вес МСБ в экономике США и других развитых стран также был накоплен исторически, в силу растущей необходимости поддержания общего рыночного равновесия. Перед Россией тоже стоит задача превратить этот экзогенный фактор развития в эндогенный, включенный в магистральный процесс рыночной трансформации. Проблема выходит за рамки налоговых льгот и щадящего правового режима для МСБ. Здесь нужен синергетический подход, ведущий к воспроизводственному видению проблемы.

Третий. Пока не разрешен парадокс, встроенный во взаимодействие инвестиций и основного капитала, и порожденный им же дополнительный парадокс, связывающий банковскую систему и фондовые рынки. Первый парадокс возник из-за того, что приватизация основных производственных фондов рассматривалась в первую очередь как источник дохода, а не инвестиций. В последнем случае приватизация включала бы создание массовых рынков корпоративных акций и формирующих и обслуживающих эти рынки специальных банковских институтов. Следовало бы учредить специальные инвестиционные акционерные банки (скорее всего, с участием государства), использующие в качестве кредитного ресурса и резерва депозиты корпоративных акций. На этой базе банки могли бы создавать сегментированные рынки корпоративных акций – с высокой, средней и низкой ликвидностью, где спрос стимулировался бы как желанием инвесторов сохранить, изменить или расширить старые ниши, так и поиском эффективной структуры капитала, втянутого в процесс слияний и поглощений.

Второй парадокс возник как следствие первого. Сработали "игры" с коэффициентом Тобина (КТ), фиксирующим соотношение инвестиций и основного капитала. Если КТ превышает определенный порог, финансово-денежный сектор устремляется к лидерству Банка по отношению к фондовым рынкам. Если КТ опускается ниже его пороговой величины, финансово-денежный сектор опирается на фондовые рынки. Рыночная трансформация, выведя основные производственные фонды за рамки формируемой рыночной экономики, резко увеличила КТ и тем самым обеспечила монополию Центрального банка (ЦБ) и его невосприимчивость к общественной потребности в развитии массовых фондовых рынков.

Между тем основные производственные фонды не совсем отсутствовали на рынке. Их квазирыночное существование поддерживалось мягкими бюджетными ограничениями (кстати, это дало основание Всемирному банку выдвинуть идею особого типа

рыночной экономики, целиком зависимой от таких ограничений). Как следствие, КТ мог быть исчислен ниже пороговой величины. Соответственно, возникла потребность экономики в базисной функции фондовых рынков. Отсюда второй парадокс: вместо согласованного развития фондовых рынков и расширения в этой связи массы денежных инструментов и банковской кредитной эмиссии в рамках системного регулирования инфляции – монополия ЦБ и низкий уровень кредитного обеспечения инвестиций. Этот парадокс можно сформулировать и более наглядно: предпринимались обреченные на провал попытки поднять капитализацию и выйти на теоретически возможный объем инвестиций на базе товарных денег, а не денежного капитала. Этот барьер имеет и психологическую составляющую – приверженность основной массы пишущих экономистов старым канонам и невосприимчивость проблемы денежного капитала общественным сознанием.

Четвертый барьер возникает из сведения сплошь и рядом регионального среза рыночной трансформации к политическим проблемам. В этих рамках экономический ракурс ограничивается бюджетом и отношениями центра и регионов. Вне поля зрения остается региональная экономика как особый структурный уровень рыночной, в перспективе – финансовой макроэкономики (экономики финансового капитала). Внутри региональной экономики пролегает граница между микро- и макроэкономикой. Именно в регионах происходит укоренение крупных капиталов. Пожалуй, самое важное здесь в том, что регионализация – оплот целостности всего внутреннего рынка. Этот момент не просматривается только потому, что проблема слишком политизирована.

Для целостности сложного рынка существенное значение имеет согласованность мультипликаторов инвестиций, занятости и денег. В концепции Дж.М. Кейнса принято условие об их равенстве. Выравнивание региональных значений воспроизводственных мультипликаторов позволяет оптимизировать и закрепить устойчивость общехозяйственных мультипликаторов. Именно данный процесс должен быть положен в основу преодоления разрыва в экономических уровнях регионов. Пока этому мешает, как ни парадоксально, сам факт огромного разрыва регионов по уровню доходов. Попытки его преодоления с помощью бюджетных трансфертов или разного рода предпочтений малопродуктивны.

Особое положение региональной экономики как пограничного макроструктурного уровня, соединяющего "чистые" макроуровни финансового и денежного капиталов с микроуровнем, представленным, однако, как рынок производительного капитала в целом, делает именно этот уровень ключевым и в снятии указанных выше барьеров. И здесь возникает еще один, заключительный парадокс. Из ключевой роли регионализации в снятии барьеров, без чего не могут быть развернуты все аспекты системного содержания финансового капитала, вытекает и *ключевая роль регионов в процессе глобализации и углублении открытости российских рынков*. Это звучит парадоксально, поскольку естественным лидером глобализации должен быть, казалось бы, финансовый капитал. Перенесение же центра тяжести глобализации на региональный уровень обуславливает и продвижение глобализации от нелиберального типа к синергетическому.

Обратимся теперь к рассуждениям *конкретного плана*. Главной преградой для реформирования в российской реальности самих регионов являются, как уже отмечалось, крайне асимметричные условия проживания и хозяйствования. Разве можно ожидать адекватного рыночного поведения населения, бизнеса и инвесторов в стране, где размеры валового регионального продукта на душу населения между отдельными регионами, по данным Минэкономразвития, различаются в 30 раз? В 2002 г. дифференциация населения России по уровню доходов составила 14 раз, по уровню средней зарплаты 11 раз, по инвестициям в основной капитал на душу населения 180 раз ("Известия", 3 июня 2003 г.). Но означает ли это, что для каждой республики, края или области нужны дифференцированные режимы хозяйствования? На стадии запуска реформ, наверное, да, что в какой-то мере и произошло (вспомним хотя бы парад суверенитетов и заключение федеративных соглашений). Однако рынок не может работать без универсальных критериев. Поэтому на перспективу паллиативы не подходят. Что же делать?

Есть два выхода из положения. Первый – традиционный, хорошо известный еще с советского времени: выравнивание уровней развития за счет перераспределения бюджетных средств. Его до сих пор практикуют социал-демократические правительства во многих странах мира, да и ведущие международные организации постоянно озабочены тем же в отношении менее развитых стран. В виде бесконечно изменяющихся трансфертов такая политика продолжается у нас и теперь. Результаты известны.

Второй выход – радикальный, без которого, очевидно, не обойтись. Мы имеем в виду прекращение нескончаемой фрагментации российского пространства, начавшейся еще с покорения Сибири. Сведение этих фрагментов в мощные кластеры. Перемещение в них населения экономически безнадежных земель. Укрупнение регионов. Подъем старопромышленных районов, где обрабатывающая промышленность еще не окончательно пришла в упадок. Иными словами, формирование территорий, надежных для проживания и развития.

Как этого достичь? Политика выравнивания здесь вряд ли поможет. Генеральный путь может быть лишь один – конкуренция территориальных условий хозяйствования или "голосование ногами" при постепенном сведении трансфертов из Москвы лишь к необходимому минимуму (кстати, с уменьшением зависимости регионов от трансфертов экономическая безопасность страны только окрепнет). Чтобы заработала "невидимая нога рынка" нужна в первую очередь четкая правовая организация торга между субфедеральными и муниципальными органами власти, с одной стороны, и фирмами и населением – с другой. Власти "продают" фирмам и населению общественные блага (*public goods*), то есть обеспечивают на подведомственной им территории закон и порядок, создают нужную инфраструктуру, несут бремя большинства социальных расходов и т.д. Фирмы и население, в свою очередь, платят им за это налоги" [Евстигнеева, Евстигнеев, 2003, с. 55].

Представляется, что перегруппировка отношений между субъектами власти, крупным бизнесом и нарождающимся гражданским обществом на каждой конкретной территории в режиме диалога и широкого взаимодействия способствовала бы созданию благоприятных, прежде всего с точки зрения системы налогов, цены земли или, скажем, формирования финансовых рынков, условий для ведения бизнеса и проживания населения. Если они ухудшаются, компания может перерегистрироваться в другом районе или за границей, повлиять на решения органа власти через процедуру выборов или лоббирование. Начнется отток из региона не только капитала, но и рабочей силы. Налаживанию конкуренции территорий могла бы также помочь линия центра не на унификацию, как теперь, а на допуск известного многообразия местных законов, учитывающих специфику регионов и по тем или иным причинам привлекательных для инвесторов и населения.

Кое-что в отношении стимулирования территориальной конкурентоспособности (проведения принципа так называемого конкурентного федерализма), хотя и медленно, но делается. Пошел процесс укоренения крупного капитала в экономике регионов. Вместе с тем начался и перелив средств из топливно-добывающих в обрабатывающие отрасли старопромышленных районов, пока, правда, через недостаточно эффективные вертикально-интегрированные холдинги типа южнокорейских чеболей (можно ожидать, что, в частности, с падением цен на нефть корпорации активнее пойдут на фондовый рынок).

Делаются и первые шаги по укрупнению отдельных субъектов Федерации для повышения их конкурентоспособности. Еще не вполне, правда, ясен принцип укрупнения. Нужны специальные исследования, чтобы выявить, существует ли воспроизводственный порог укрупнения и интеграции, связанный с равновесием мультипликаторов.

При попытках повышения конкурентоспособности регионов пока просматривается лишь сугубо конкретный и микроэкономический подход, прежде всего с позиций решения наиболее острых социальных проблем. Например, с Чукотки и ряда других северных территорий началось организованное переселение людей "на материк". Возрождаются отдельные наукограды, технопарки и другие инновационные площадки

регионов. Реструктуризация регионов в качестве "отклика на злобу дня" – один из способов выправления положения во всей стране, "вживление" реформ малыми дозами в болное тело российской экономики. Но насколько это эффективно?

Нам импонирует попытка, предложенная в докладе Института экономики УрО РАН, измерить соотношение активных и консервативных структур, при которых наилучшим образом обеспечивается адаптация социально-экономических систем региона к спонтанным переменам. К первым структурам авторы относят МСБ, сферу науки и конструкторской деятельности, финансово-кредитную подсистему и инвестиционно-строительный комплекс. Ко вторым – крупные корпорации, предприятия и целые отрасли региональной экономики, природно-ресурсную систему, производственную структуру, структуру населения, инфраструктуру. Для кризисов и флуктуаций трансформационного периода "характерна неравновесная динамика, которая с трудом описывается неоклассической экономической теорией. В то же время неравновесные процессы вполне адекватно характеризуются современной экономической трактовкой методов из теории эволюции дарвинского типа" [Янгов и др., 2002, с. 3].

Эволюционный подход дарвинского типа к построению соответствующей имитационной модели, отличающийся от принятого нами выше синергетического подхода, думаем, тем не менее, тоже имеет право на существование. Однако надо отдавать себе отчет в его ограниченности. Он раскрывает фактуру спонтанной эволюции – медленной, основанной на преобразованиях снизу, и потому не требующих от исследователей видения реформационной панорамы в целом и учета перспектив. В известном смысле задача состоит в определении возможностей рыночной трансформации, заключенных в традиционных субъектах и объектах регионального хозяйства. Тем самым исследуются стартовые условия рыночной адаптации региона, не более того. Фактически доклад от противного доказывает, что нужны более сложные современные методы (экономическая синергетика), которые предполагают самые активные сознательные усилия реформаторов, массовое приятие реформ, соответствующее поведение их участников.

Иными словами, доминировать должно макроэкономическое видение перспектив и понимание, что именно с данной точки зрения следует предъявлять требования к выработке алгоритма рыночной трансформации. В этой связи огромное значение имеет тот факт, что среди глав администраций регионов появляются первые энтузиасты нового, нелинейного мышления и поведения, необходимого для экономики в целом, такие, например, как губернатор Красноярского края А. Хлопонин или губернатор Астраханской области А. Гужвин.

Оставался за скобками множество проявлений "конкурентного федерализма" в России, позволим себе утверждать, что они важны не только для рыночной трансформации внутри страны, но их все более можно рассматривать в качестве мостков, соединяющих российские экономические проблемы с глобальными. Речь идет о том, в каком качестве целесообразнее всего России включаться в глобальные процессы.

Позиционирование России в глобальной экономике

Очевидно, что такие крупные державы, как Россия, Китай или Индия, не могут вступить в какую-нибудь из известных региональных группировок в полном формате. Масштабы их территорий и многообразие условий хозяйствования не позволяет сделать это, да и вряд ли им самим это нужно. Но те же самые факторы наталкивают на мысль о возможных нестандартных вариантах решения, хотя принцип здесь один – фрактальное подобие схем развития финансовой, синергетической экономики как для мировых регионов, так и для отдельных стран и их внутренних регионов. Возникает такое самоподобие не потому, что власти стремятся к наиболее рациональному устройству своих экономик в условиях глобализации, пытаясь догнать Запад, а потому, что речь идет об одинаковых, синергетических способах усложнения экономики в целях как повышения ее эффективности, так и более тесного взаимодействия экономики в узком смысле с ее широким социально-политическим и куль-

турным контекстом. В перспективе установление финансовой экономики ведет и к утверждению единой синергетической схемы экономики. В этом плане участие регионов в глобализации само по себе обуславливает их локализацию, с одной стороны, и интеграцию – с другой.

Если России невозможно интегрироваться полностью ни в одну из мировых региональных группировок, то *почему бы ей самой не превратиться в одну из таких открытых группировок типа ЕС – как внутри России (для своих регионов), так и с перспективой усилить внешнее экономическое притяжение, например, стран СНГ?* В этом есть определенный смысл, так как синергетические принципы экономики финансового капитала резко увеличивают темпы экономического роста и повышают уровень эффективности, создавая тем самым добротный фундамент экономического и политического сближения.

Россия в целом как субъект "нового регионализма" могла бы продолжать работать над вхождением в ВТО, думать над движением совместно с Германией и Францией к "Большой Европе". Налаживать особые отношения с новобранцами ЕС. Заключать различные соглашения о партнерстве с другими группировками (как она это сделала, например, с АСЕАН летом 2003 г.). Иными словами, *адаптироваться к глобализации в смысле принятия условий ее функционирования.* И в то же время предоставлять значительно больше полномочий – финансовых и внешнеэкономических – тем субъектам Федерации, которые встали на путь малых "конкурирующих правительств". Именно они, наряду с первыми нашими ТНК, могли бы динамично и наиболее эффективно интегрироваться³ в новое мировое пространство, причем необязательно только с соседними странами (мы имеем в виду не приграничную торговлю, а более глубокие формы экономического сотрудничества). Такой вывод следует из примата экономики над политикой в синергетических системах. Федеральные власти, с одной стороны, и территориальные (наряду с ТНК) – с другой, постоянно придавали бы взаимный дополнительный импульс своим действиям.

И здесь возникает один стержневой вопрос, который удивительным образом все еще остается на периферии нашего общественного сознания. Мы имеем в виду сохраняющееся представление о том, что финансы играют подчиненную роль по отношению к производству. Этот принцип лежит в основе деятельности и наших практических органов. Но это же прошлый век! В современной экономике "фиктивный капитал" не должен обеспечиваться реальным сектором. Наоборот, сам он служит обеспечением платежеспособного спроса, не плетясь за ростом реального сектора, а формируя этот рост. Игнорирование данного факта ведет к тому, что у нас до сих пор отсутствует *действенная стратегия рыночной трансформации и, соответственно, вхождения в глобализационные процессы.* Казалось бы, все понимают, что необходимо движение к современному рынку во главе с рынком капитала. Оно станет набирать силу в том числе по мере снижения льгот и преференций для регионов, роли распределительной политики центра вообще и не в последнюю очередь по мере развития в России финансовых рынков. Надо видеть эту общую траекторию движения и перестать использовать понятие "спекулятивный капитал" не в научном смысле, а всего лишь как злую метафору.

Не просто широкая открытость для внешних контактов, но и неперенное создание полнокровных финансовых рынков предоставит России шанс перейти, если воспользоваться терминологией Всемирного банка, из категории менее глобализованных в категорию более глобализованных, динамично развивающихся стран. Назревшую необходимость участия территорий в этих процессах мы и попытались показать выше.

Поскольку Россия входит в число так называемых формирующихся рынков (один из переводов расплывчатого англоязычного термина *emerging markets*), целесообразно рассматривать проблему с двух сторон, надев при этом региональные очки. Для развитых (в институциональном отношении) и богатых (в материальном отно-

³ Различать адаптацию (взаимодействие) и интеграцию стран в условиях глобализации предложил Л. Зевин, правда, вложив в эти термины несколько иной смысл, чем мы.

шении) стран создается возможность прибыльного инвестирования избыточного капитала, сбыта продукции и приобретения ресурсов, включая относительно дешевые ресурсы рабочей силы. Таким путем формируется и глобализуется дополнительный спрос в развивающихся рынках, который теперь может быть удовлетворен, поскольку политические, экономические и финансовые барьеры, блокировавшие ранее доступ к соблазнительным для развитых стран регионам мира, разрушаются. Для стран же с формирующимся рынком приоритетное значение имеет не создание на их территории дополнительных предприятий за счет капиталов и товаров из других, более развитых стран, а быстрое созревание их собственных экономических систем, ведущее к формированию развитых рыночных экономик. "При такой интерпретации основная цель, – пишет в уже упомянутом материале Колодко, – состоит не в создании нового рынка сбыта для других, а в строительстве новой, рыночной системы, стремящейся главным образом к собственной выгоде, институционально либерализованной и все более открытой для расширяющегося спектра внешних связей" ("Бизнес и банки". 2003. № 21–22, с. 10).

О чем говорит этот двусторонний взгляд? Конечно, с точки зрения ближайшей перспективы, Колодко прав, обе группы стран взаимно заинтересованы. Более того, развивающиеся страны заинтересованы намного больше. Однако в перспективе такого рода взаимовыгодное противостояние неизбежно обернется серьезным противоречием. Чем выше станет уровень экономики в развивающихся странах и меньше их отрыв от лидеров, тем вероятнее формирование в странах с догоняющими моделями центробежной системы, при которой в странах-лидерах снизится прибыль от присвоения части производительного потенциала (ресурсов, труда) развивающихся стран. В итоге почти неизбежны распад глобальной системы и перегруппировка участников мировой экономики. Это противоречие невозможно снять без становления финансовой синергетической экономики, в которой фокусом развития будет не перераспределение производительных потенциалов (при их выравнивании глобальная неолиберальная система распадается), а изменение принципов их формирования.

Сегодня же, в условиях медленной эволюции однополярного мира под эгидой США в многополярный, перспективы неолиберальной глобализации не так уж плохи. Развитые и развивающиеся страны находят взаимоприемлемые решения, обеспечивающие более высокий уровень эффективности в странах-лидерах и более быстрые темпы роста производства и жизненного уровня в странах с развивающимся рынком.

Насколько применим мировой опыт глобализации к внутренним региональным проблемам России? На этот вопрос можно ответить так: применим в большой степени, хотя и не буквально.

Еще один вопрос: будет ли глобализация для России успешнее (эффективнее), если она войдет в нее фронтально (не только центр, но и регионы)? Да, будет. Ибо связи внутреннего рынка с мировым капиталом станут многообразнее и глубже. Быстрее начнут разворачиваться внутренние системные отношения финансового капитала, способствующие большей устойчивости центральных и региональных финансово-денежных рынков и динамизации всей экономики.

В заключение – несколько коротких замечаний. Во-первых, глобализация ассоциируется с либерализацией рынков и тенденцией к выравниванию рыночных условий (политических, инвестиционных, коммерческих, хозяйственных), сопряженных в то же время с перераспределением части производительных потенциалов развивающихся стран в пользу стран-лидеров. В России преобладает обратная практика, когда регионы-лидеры превращаются в доноров, а отстающие регионы – в реципиентов. Если подключить к рыночным преобразованиям глобализацию на региональном уровне, то это усилит слабые регионы, не ухудшив позиции сильных, экспортная ориентация которых делает их вообще весьма устойчивыми. Можно ожидать повышения тонуса всех видов рыночных отношений, что должно снять или по крайней мере уменьшить депрессивное воздействие барьеров рыночной трансформации.

Однако это неочевидно для проблемы рыночной трансформации государственной собственности. Напротив, анализ в аспекте глобализации обнаруживает общеэкономи-

ческий уровень решения задачи преодоления третьего барьера. Эпицентр этой задачи лежит, по-видимому, во взаимодействии банковской системы и сферы фондовых рынков. Вместе с тем регионализация (со всем комплексом экономических проблем), используя фактор глобализации для развития рынка по критерию равновесия, блокирует включение приватизированных социалистических основных производственных фондов как целостности в рынок, играя тем самым на руку монополии ЦБ. Из этого следует только одно: глобализация должна опираться на формирование центральных финансово-денежных рынков, а не наоборот. Скорость глобализации, ее формы, состав субъектов лежат в пространстве дилеммы "финансовый капитал – государство".

Во-вторых, анализ глобализации показывает, что государство – активный участник этого процесса со своей функцией: защитой автономии национального рынка при самых активных процессах интеграции. Это наглядно представлено в опыте европейской интеграции. Взаимодействие национальных субъектов нуждается в социально-политическом консенсусе. Это – либеральный базис будущей экономической синергетики, который закладывается внутри неолиберальной глобализации, опиравшейся в самом начале на представительную демократию.

Если исходить из необходимости соединения глобализации с рыночной трансформацией в России прежде всего на региональном уровне, надо признать, что российское государство неизбежно оказывается в ситуации двойственной идеологии. С одной стороны, к нему обращены требования Вашингтонского консенсуса, с другой – оно находится под влиянием финансового капитала и адекватной ему либеральной идеологии. Последняя отходит от концепции демократии в сторону понимания экономики как субъектно-объектной симметрии и осмысления социально-политических институтов общественного консенсуса. Становление рыночной макроэкономики на базе финансового капитала – сложный многоструктурный и многоаспектный процесс. Кооперация государства и финансового капитала не только помогает преобразованию регионов, но является первичным условием всех демократических преобразований. В свою очередь рыночная трансформация на уровне региональной экономики обуславливает преодоление описанных выше барьеров.

Преодолев все барьеры, Россия "обречена" стать в политике одним из европейских союзников США. Вместе с тем политическое сближение с Европой будет способствовать установлению финансовой синергетической экономики на всем европейском пространстве, включая Россию. Такая ситуация может создавать определенные напряженности в партнерстве как с Европой, так и с США по проблемам глобализации. Однако это будут напряженности роста.

Здесь пора поставить точку. В ином случае нам придется продолжить тему, погружившись в глобализацию как проблему становления нового исторического этапа западной (христианской) цивилизации. Этапа, когда эта цивилизация способна обратить огромные синергетические ресурсы развития национальных и мировой экономик на освоение межцивилизационной конвергенции как либерального социального базиса синергетического типа глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Субфедеральные аспекты глобализации // Вопросы экономики. 2003. № 5.
- Социально-экономическая эффективность: опыт США. Ориентир на глобализацию. М., 2002.
- Янгов В.А., Марицев О.С., Ли В.А., Воробьев П.В.* Эволюционный механизм адаптации региональных социально-экономических систем к спонтанным переменам. Екатеринбург, 2002.
- Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей. М., 2003.
- Schift M., Winters L.A.* Regional Integration and Development. Washington, 2003.